

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)41

И. А. Новицкий,

*Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации,
ул. З. и А. Космодемьянских, д. 8, 125171 Москва, Россия*

ГРОЗНЫЙ ДЕНЬ ПЕРУНА

Аннотация: Битва на реке Западный Буг в 1018 г. — сражение, описание которого сохранилось в литературных источниках по истории Древней Руси. В этой битве дружины князя Ярослава Мудрого потерпели сокрушительное поражение от войск польского короля Болеслава Храброго. В «Хронике» Титмара Мерзебургского указывается, что Болеслав подошел к реке 22 июля. «Хроника» Галла Анонима сообщает, что Болеслав отложил сражение на третий день, поскольку на следующий день отмечался праздник. Согласно же «Польской истории» Яна Длугоша, оба войска простояли на реке несколько дней. Сопоставительный анализ этих хронологических показаний позволяет установить, что сражение состоялось в четверг 24 июля. Свидетельство Анонима о том, что в праздник «резали многочисленных животных», позволяет увидеть здесь сохранившиеся от язычества обычаи Перунова дня, который на рубеже X–XI вв. отмечался в предпоследний четверг июля по юлианскому календарю. Становится ясной и первопричина разгрома Ярослава: понадеявшись на обещание Болеслава отложить сражение, воины Ярослава праздновали день Перуна, и внезапная атака польских рыцарей застигла их врасплох.

Ключевые слова: князь Ярослав Мудрый, битва на реке Западный Буг в 1018 г., король Болеслав Храбрый, Ильин день, Перунов день.

Дата поступления статьи: 02.03.2016

Информация об авторе: Игорь Анатольевич Новицкий — магистр теологии, Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации.
E-mail: ingvaringvar@mail.ru

Из происходивших в истории Древней Руси сражений лишь немногие описаны в дошедших до нас письменных памятниках. Одно из таковых — битва на Западном Буге в 1018 г., когда объединённые силы Древнерусского государства во главе с великим князем Ярославом Мудрым (1017–1018, 1019–1054) потерпели сокрушительное поражение от польских войск короля Болеслава I Храброго (992–1025) (ил. 1).

Сопоставительный анализ показаний источников позволяет определить точную дату сражения и выявить первопричину разгрома русских войск.

Вначале приведём фрагмент летописной статьи из «Повести временных лет»:

«В лето 6526. Приде Болеславъ съ Святополкомъ на Ярослава с ляхы. Ярославъ же, совокупив Русь, и варягы и словене, поиде противу Болеславу и Святопол-

ку, и приде Волюню¹, и стаща оба поль реку Буга. И бе у Ярослава кормилецъ и воевода, именовъ Буды, нача укаряти Болеслава, глаголя: “Да то ти прободемъ трескою черево твое тольстое”. Бе бо Болеславъ великъ и тяжекъ, яко и на кони не могы седети, но бяше смыслень. И рече Болеславъ къ дружине своей: “Аще вы сего укора не жаль, азъ единъ погыну!” Вседъ на конь, вбрде в реку и по немъ вои его. Ярослав же не утягну исполчитися, и победи Болеславъ Ярослава. Ярославъ же убежа съ 4-ми мужи к Новугороду. Болеславъ же вниде в Киевъ съ Святополкомъ» [10, с. 63].

Описание битвы сохранилось не только в русских летописях, но и в зарубежных источниках, самым ранним из которых является «Хроника мерзбургских епископов». Автор «Хроники», саксонец Титмар, во-первых, был современником (он работал над своим сочинением в 1012–1018 гг., создавая его по следам событий), а во-вторых, имел прекрасных информаторов (видимо, саксонских рыцарей), лично побывавших в Киеве в составе войск польского короля Болеслава в 1018 г. У Титмара написано, что 22 июля 1018 г. король Болеслав (ил. 2) с войском подошёл к реке, разбил лагерь и приказал навести мосты для переправы. Польское войско было усилено союзными отрядами из трёхсот немецких (видимо, преимущественно саксонских) рыцарей, пятисот венгерских и тысячи печенежских воинов («Хроника», гл. VIII, 32). Князь Ярослав (ил. 3) расположил своё войско на противоположном берегу. Затем, в результате провокаций, началась какая-то потасовка, и поляки неожиданно достигли успеха в первых же стычках. Болеслав поспешил воспользоваться возникшей «суматохой» и, форсировав реку с основными силами, стремительно обрушился на Ярослава и одержал блестящую победу. Приводим полный текст описания битвы:

«Нельзя также умолчать и о прискорбном несчастье, случившемся на Руси. Ведь Болеслав, напав на нее, согласно нашему совету, с большим войском, причинил ей большой вред. Так, в июле месяце, за одиннадцать дней до августовских календ (22-го числа) этот князь, придя к какой-то реке, стал там вместе со своим войском лагерем и велел приготовить необходимые [для переправы] мосты. Русский король, расположившись возле него со своими людьми, с тревогой ожидал исхода будущего, условленного между ними сражения. Между тем враг, подстрекаемый поляками, был вызван на битву и, в результате внезапного успеха, был отброшен от реки, которую оборонял. Ободренной этой суматохой Болеслав, требуя, чтобы союзники приготовились и поторопились, тотчас же, хоть и с большим трудом, но перешел реку. Вражеское войско, выстроенное против него, напрасно старалось защитить свое отечество. Уже в первой схватке оно подалось и более уже не оказывало сильного сопротивления. Там тогда было перебито огромное количество бежавших [врагов] и очень мало победителей. Из наших погиб славный рыцарь Эрик, которого наш император долгое время держал в оковах. С того дня Болеслав, развивая успех, преследовал разбежавшихся врагов; он был принят всеми местными жителями и почтен богатыми дарами» (VIII, 31) [13, с. 177; лат. текст: 8, с. 136–137].

¹ Местоположение древнего города с именем «Волюнь», стоявшего на реке Западный Буг, указывают в 20 км от современного Владимира Волинского, заменившего собой этот старый племенной центр [14, с. 314–315].

Из текста неясно, когда к реке подошёл Ярослав: в тот же день или на следующий. Даже если принять первое, то сражение, скорее всего, состоялось не 22 июля, когда армии противников только-только расположились друг напротив друга и начали изучать местность, а назавтра-послезавтра — 23 или 24 июля. Аргументом в пользу этого может послужить то, что о сражении говорится как о «будущем». Тем не менее текст гл. VIII, 31 не позволяет исключить и того, что все описанные события произошли за один день.

Сопоставляя летописную версию с версией современника событий Титмара, Н. Н. Ильин признаёт достоверность и летописной версии: «С наивной верой в неотразимость крепкой русской насмешки летопись приписывает ее влиянию как решение опытного полководца начать переправу, так и стремительность польского натиска, определившую исход сражения. Подробность эта показывает, что воспоминания о битве успели пройти через призму эпической обработки прежде, нежели составить содержание летописной статьи 6526 г. Однако в основном летопись вполне сохранила реальные черты события. Она описывает сражение, словно летописец был наблюдателем, находившимся в стане Ярослава, тогда как источник сведений Титмара сопутствовал Болеславу и последовал за ним в направлении к Киеву» [4, с. 112].

В «Хронике и деяниях князей или правителей польских» Галла Анонима (памятник второго десятилетия XII в.), одной из двух основных хроник раннепольского историописания, события войны Болеслава с Ярославом отражены с известными особенностями, отличающими её от летописи и «Хроники» Титмара. Сведения о событиях начала XI в. были почерпнуты автором из устной полуполюгендарной традиции и рассказов современников [17, с. 16]. «Указанным источникам в плане объективности передачи фактов серьезно уступает хроника Галла Анонима, написанная в начале XII в., — отмечает А. Б. Головкин. — Материал о восточном предприятии Болеслава I изложен с тенденциозных позиций на основе фольклорных преданий польского рыцарства. Однако, характеризуя этот источник, необходимо отметить, что ряд фактов, описанных Галлом, подтверждается другими памятниками» [2, с. 27].

Повесть Анонима о вторжении Болеслава в 1018 г. (гл. I, 7) сводит сражение на реке Буге к незначительному пограничному столкновению:

«Прежде всего надо сказать, как славно и великолепно [Болеслав] отомстил за свою обиду русскому королю, который отказался ему отдать в жены свою сестру. Король Болеслав, вознегодовав, вторгся с великой храбростью в королевство русских и тех, вначале пытавшихся сопротивляться, но не осмелившихся завязать сражение, разогнал перед своим строем, словно ветер, прах. Он не задерживался, однако, по вражескому обычаю в пути, чтобы захватывать города и собирать деньги, а поспешил в столицу королевства Киев, чтобы захватить одновременно и королевский замок и короля. А король русских по простоте, [своей] его народу, ловил в это время удочкой рыбу с лодки, когда [ему] неожиданно сообщили, что Болеслав приближается. Он с трудом этому поверил, но в конце концов, поскольку его извещали об этом все новые вестники, ужаснулся. Затем, поднеся ко рту большой и указательный пальцы и поплевав, по обычаю рыболовов, на наживку, сказал, говорят, к стыду своего народа, следующие слова: “Раз Болеслав занимается не этим искусством, а ему привычно забавляться военным оружием, значит, Господь [Сам] в руки его передает и город этот, и королевство русских, и [богатства его]”. Так сказал и, недолго медля, бежал» (I, 7) [17, с. 50–51; лат. текст: 17, с. 43].

По неясным причинам историческая перспектива была искривлена, и подробное описание сражения на Буге, в основном совпадающее с описанием битвы в передаче летописи и Титмара, оказалось помещённым ниже, в гл. I, 10, представляя собой самостоятельный эпизод, не отнесённый к какой-либо определённой войне²:

«Расскажем об одном из его сражений, достойным упоминания благодаря новизне происшедшего, из которого видно, что смирение предпочтительнее гордыни. Случилось [так], что в одно и то же время, не зная один о другом, король Болеслав напал на Русь, а король русских — на Польшу, и тот и другой разбили лагерь на противоположных берегах реки в пределах чужих территорий, разделенных рекой. Когда королю русских было сообщено, что король Болеслав уже перешел реку и обосновался с войском в пределах его королевства, тот опрометчиво решил, что он уже [Болеслава] с помощью своих многочисленных [отрядов] загнал в сети, словно зверя. Говорят, передал ему слова, полные надменности, которые следовало бы обратить на голову его самого: “Пусть Болеслав знает, что он, подобно вепрю, в луже окружен моими собаками и охотниками”. На это король Болеслав ему в свою очередь послал [следующее]: “Верно, ты назвал меня свиньей в луже, так как я в крови собак твоих и охотников — то бишь, князей и рыцарей — омочу ноги коней моих, а землю твою и города уничтожу, словно невиданный зверь”. [Пока] и тот и другой обменивались такими речами, на следующий день приближался праздник, [и] король Болеслав, собираясь отметить его, отложил сражение на третий день. В этот день резали многочисленных животных, которых приготавливали к наступающему празднику к столу короля, намеревающегося, по обычаю, пировать со своими военачальниками. Когда повара, наемные слуги, войсковая челядь собрались на берегу реки, чтобы чистить мясо и внутренности животных, с другого берега реки слуги русских начали громко насмехаться и раздражать их [поляков] обидными до гнева оскорблениями. Те же ни на какие обиды не отвечали, но в ответ им насмешливо прямо в глаза кидали внутренности животных и отбросы. Когда русские еще сильнее раздражили их поношениями и начали пускать в них стрелы, войско Болеславовой челяди, бросив псам и птицам все, что было в [руках], с оружием воинов, спавших после полудня, переплыв реку, одержало победу над великим множеством русских. Король Болеслав и все войско, разбуженные криками и звоном оружия, спрашивают, в чем дело, а узнав причину и сомневаясь, не нарочно ли это подстроено, обрушиваются на бегущего отовсюду врага боевым строем; таким образом не только челядь заслужила славу победы и пролила [свою] кровь. Столь велико было множество переходящих реку, что она нижним казалась не водой, а сухой дорогой» (I, 10) [17, с. 52–53; лат. текст: 17, с. 44–45].

Несмотря на то что речи и послания могли быть выдуманы, а подача военных столкновений носит в «Хронике», по выражению Н. И. Щавелевой, «отпечаток тенденциозности придворной традиции, сдобренной хвастливыми преувеличениями и анекдотами» [17, с. 36], Галл Аноним, по единодушному согласию исследователей, в изложении фактов польской истории был точен [17, с. 35–36]. Это означает, что известия

² Большинство исследователей сходятся во мнении, что в гл. I, 10 описывается битва, имевшая место в июле 1018 г.

Галла должны быть восприняты всерьёз и сопоставлены с данными вышеприведённых источников.

Установить бесспорное тождество между сражением из гл. I, 10 Галла и реальным сражением на реке Буге в изложении Титмара позволяет наличие подстрекательств и суматохи, предваривших переправу войск Болеслава и его победу, которые (подстрекательства и суматоха) только упомянуты Титмаром, но в деталях описаны у Галла Анонима. Сами по себе издевательства над вождём войск противника или провокации перед битвой не могут служить достаточным основанием для отождествления описаний, потому что они, как видно, были общей практикой (вспомним Любечское сражение): «...вооруженные столкновения, если силы противников были приблизительно равны, протекали в эту эпоху при сходной обстановке. Расположившись друг против друга на противоположных сторонах водного рубежа, неприятельские войска выжидали, пытаясь спровоцировать друг друга на наступление, чтобы использовать для себя преимущества обороны, или выискивая случай напасть врасплох, чтобы противник не успел развернуть свои силы» [4, с. 138], — объясняет Н. Н. Ильин. Однако упоминание и Титмаром, и Анонимом первого успеха в ходе суматохи даёт отождествлению прочное обоснование.

Так же как и у Титмара, у Анонима Галла не говорится, подошли ли противники к реке одновременно, т. е. в один и тот же день, или разновременно. Даже если достижение реки было не «синхронным», промежуток не мог быть более чем однодневным: в противном случае, не имея в непосредственной близости перед собой противника, одна из армий могла бы осуществить переправу. Следовательно, и Болеслав, и Ярослав подошли к реке в один и тот же день. Далее, по Анониму, состоялся обмен дипломатическими нотами, а на следующий день после этого — сражение. Установить, что обмен нотами имел место не 22, а 23 июля, позволяет показание Яна Длугоша, польского историка XV в. (над своим сочинением он работал в 1455–1480 гг.), согласно которому противники стояли друг напротив друга несколько дней:

«Когда оба войска простояли на реке Буге несколько дней, между войсками стали происходить стычки, <взаимно> предварявшие <сражение>; в конце концов [это повело] к общей битве. <Вначале дело ограничивалось комками грязи и укорами, [но] из этой малости, как бывает, спор разгорелся до того, что швыряли уже камни, копыя и дротики, и раз начавшись, дело уже не могло остановиться>» («Польская история», II) [18, с. 238; лат. текст: 18, с. 91].

Несколько дней — это минимум три дня. Согласование всех трёх свидетельств зарубежных источников достигается только в предположении о трёхдневном сроке, в который произошли все события. Выходит, что день битвы на реке Буге — это 24 июля.

Весьма важным является упоминание некоего праздника, в который «резали многочисленных животных» (точнее, «бесчисленное количество животных» — «*animalia innumerabilia*»). Подчеркнём, что животных резали в самый день праздника, а не накануне. Именно такая интерпретация выражения хрониста «в этот день» устанавливается из довольно простых соображений. Как явствует из текста, Болеслава челядь решила вступить в схватку с русскими после полудня, из чего можно заключить, что «чистить мясо и внутренности» челядь начала значительно раньше. Пиршество, следовательно, предполагалось ближе к вечеру того же дня, когда спадёт жара. Попытка же отнести приготовление мяса на канун праздника приводит к явной несообразности: получается, что блестящие рыцари короля Болеслава, располагая огромным штатом пова-

ров и слуг, способных вовремя разделать животных и приготовить куски для запекания на кострах, вынуждены есть несвежее мясо, пролежавшее целые сутки на июльской жаре!

Теперь зададимся вопросом: а что, собственно, могло праздновать польское рыцарство, недавно вышедшее из язычества? Сомнительно, чтобы речь шла о христианском празднике: в литургическом году вторая половина июля характеризуется удалённостью от крупных церковных праздников. Остаётся думать, что праздник был языческим. Примерно в это же время года племена славян-язычников отмечали день Перуна — бога-громовержца, покровителя воинских дружин, первенствующего в языческом пантеоне (ил. 4). Скорее всего, в войске короля Болеслава, прославленного богобоязненностью и отличавшегося благочестием, окружавшего Церковь непрестанною заботою, о чём с восхищением пишет Галл Аноним в своём сочинении (гл. I, 11), чествование Перуна на официальном уровне не совершалось, но на бытовом уровне прежние обычаи сохранялись. «Не сразу сменили христианские культы освященные вековыми традициями племенные обряды и верования, составлявшие важную часть народной языческой культуры... — замечает (по другому поводу) Н. И. Щавелева. — Лишь к XIII в. удалось в Чехии и Польше вытеснить языческие ритуалы христианскими» [17, с. 169]. В справедливости высказанной трактовки характера празднования позволяет удостовериться знакомство с инструкцией святителя Григория Великого (590–604), папы Римского, данной им аббату Меллиту, направлявшемуся в Британию. Папа не требовал совершенно отказаться от жертвоприношений в дни праздников, но рекомендовал закалывать животных не в честь идолов, а во славу Божию, и тогда, полагал он, «здесь не будет жертвоприношения демонам»³. Можно догадываться, что инструкция папы Григория отражает (или формирует) общее отношение Западной Церкви к укоренившимся традициям языческих праздников.

По свидетельству византийского историка Прокопия Кесарийского (VI в.), в жертву громовику славяне приносили быков: «Они считают, что один только бог, творец молний, является владыкой над всеми, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды» («Война с готами», VII, 14) [11, с. 250]. Из этого сообщения видно, что у славян бык был культовым животным Перуна. Более общо об этом почитании быка свидетельствуют арабские источники, правда, они не упоминают громовержца [6, с. 221]. Помимо быков, в жертву Перуну приносили петухов, козлов. С принятием христианства образ Перуна, согласно общепризнанной в науке точке зрения, был прочно заслонён заместившим его пророком Илией. В пользу версии замещения свидетельствуют особенности народного культа Илии: в «народном христианстве» святой Илия выступал в роли громовержца — повелителя дождей, грома и молний, покровителя хлеба и злаков, истребителя нечистой силы [5, с. 221–227]. Традиция жертвоприношения оказалась устойчивой. Во многих северных губерниях России, спустя века по принятии христианства, к Ильину дню специально «всем миром» выкармливали быка (или покупали на собранные в складчину деньги), а в день праздника закалывали и съедали [7, с. 91–93]. Жертвенным животным мог быть не бык, а телёнок или баран [1, с. 405]. Подготовка к Ильину дню велась целую неделю, носившую название «ильинской». Во многих местах крестьяне всю эту неделю постились, чтобы умиловить сердитого громовика, защитить от его молний свои посевы, скот и дома [15, с. 112–113]. Дело в том, что около этого времени начинался сбор урожая зерновых, и грозные дожди, способные намочить или даже погубить весь хлеб, — явление нередкое для второй по-

³ Полный текст инструкции см.: [3, с. 112–113].

ловины июля, — были особенно некстати для земледельцев, жизнь которых зависела от плодов их труда в поле. Естественно, что ради сухой погоды в период страды народ был морально готов приносить почти любые жертвы богам-покровителям дождей. Отмеченные обстоятельства позволили Б. А. Рыбакову сделать относительно даты праздника Перуна следующее заключение: «Судя по тому, что ильин день (20 июля) очень торжественно праздновался по всей России, и праздновался со всеми признаками древнего языческого культа, надо полагать, что именно этот грозовой день и был исконным днем громовержца Перуна» [12, с. 402].

Сомнительно, однако, чтобы у исконно-славянского Перунова дня была строго фиксированная дата по солнечному календарю, в точности совпадающая с юлианской датой памяти пророка Илии 20 июля, — в таком случае непонятен перенос празднования Болеславом на несколько дней позже. Небезынтересно отметить, что в 1018 г. 24 июля приходилось на четверг. Если Перунов день являлся переходящим праздником, то было бы вполне логичным, если он отмечался в четверг — день, посвящённый громовержцу у индоевропейских племён⁴. 24 июля 1018 г. было предпоследним четвергом месяца. Интервал времени для предпоследнего четверга — дни с 18 по 24 июля, в среднем — 21 июля. Приведённые наблюдения позволяют прийти к выводу, что на рубеже X–XI вв. Перунов день отмечался в предпоследний четверг июля. День памяти пророка Илии, 20 июля, — дата, заимствованная Русской Церковью из Византии⁵, — для противопоставления Перунову дню подходил идеально: он ложился почти на середину семи дней, на которые мог приходиться предпоследний четверг, причём с упреждением середины в один день, что позволяло исключить полное слияние христианского и языческого культов. Таким образом, отнесение в «народном календаре» обычаев Перунова дня именно на 20 июля нужно считать более поздним этапом синхронизации языческой и христианской календарных систем.

Полученный результат оказывается ошеломляющим: дружины князя Ярослава были разбиты в Перунов день!

Свидетельство Анонима Галла выявляет и первопричину разгрома Ярослава: понадеявшись на обещание Болеслава отложить сражение «на третий день», воины Ярослава, судя по всему, тоже решили праздновать, и внезапная атака польских рыцарей застигла их, отдохавших в послеполуденный зной и уже отягчённых яствами и питьем во славу Божию (христиан) или во славу Перуна (язычников), врасплох. Похоже, что король Болеслав, блестящий полководец своего времени, применил военную хитрость (по выражению летописца, Болеслав «бьяше смыслень» («был умён»): развернув подготовку к празднеству, он направил к реке огромное число прислужников для создания видимости того, что празднование действительно идёт «на широкую ногу», а сам ожидал, когда кнехтам при помощи провокаций удастся завязать схватку, чтобы полу-

⁴ У древних греков четверг был посвящён Зевсу-громовержцу, у римлян — Юпитеру (лат. Iovis Dies — букв. «день Йова»), у скандинавов — Тору, у континентальных германцев — Доннару. В большинстве современных романских языков день сохранил название в честь римского бога Юпитера (итал. giovedì, исп. jueves, франц. jeudi). Поскольку Юпитер был отождествлён с германским богом, имеющим соответствующие функции, большинство германских языков получило название четверга из местных вариантов имени громовика (нем. Donnerstag, англ. Thursday — букв. «день громовержца»). У полабских славян названием четверга было «перюндан» (Перунов день), возможно, вошедшее в обиход под западным влиянием. Хотя соотнесение четверга с богом грозы отразилось в названии дня недели только на крайнем западе славянского мира, вполне вероятно, что оно имело место и у славян восточных [6, с. 232].

⁵ О происхождении даты см.: [19, р. 212–213; 20, р. 220]; а также: [16, с. 242–243].

читать повод двинуть в бой основные силы. И если у поляков и мог существовать обычай откладывать начало празднования на время после полудня, то у русских воинов — Болеслав должен был это точно знать — такой обычай не известен: праздник, особенно весёлый, начинается с утра или даже накануне вечером. Надо думать, что и оскорбления, наносимые русскими, были спланированы: в нужный момент тайные сторонники Болеслава и Святополка из русского лагеря первыми начали оскорблять поляков и тем вызвали их на бой. Военная хитрость могла быть задумана ещё перед походом: недаром Болеслав, хотя и начал войну первым, не решился сразу предпринимать быстрое наступление во внутренние земли врага, а подождал, пока Ярослав мобилизует свои силы и поведёт их к границе, а затем двигался с такой скоростью, чтобы прийти к реке одновременно с Ярославом.

Поражение дружин Ярослава открыло польским интервентам путь на Киев, и после непродолжительной осады город сдался. Титмар Мерзебургский описывает вхождение в столицу Руси войска союзников в восторженных тонах:

«Хотя жители и защищали его, он все же довольно быстро сдался чужеземцам; оставленный своим, обратившимся в бегство королем, [Киев] 14 августа принял Болеслава и Святополка, своего долго отсутствовавшего господина; из расположения к нему и из страха перед нами вся эта страна перешла на его сторону» («Хроника, VIII, 32) [13, с. 177; лат. текст: 8, с. 137].

О масштабах неудачи Ярослава свидетельствует не только факт уничтожения значительной части его войска и отказ князя защищать Киев, но и то, что он, не чувствуя спокойствия даже в Новгороде, собирался отправиться в Скандинавию. Лишь вмешательство новгородской верхушки, оказавшей ему значительную помощь, заставило Ярослава решиться на продолжение борьбы, которая позднее снова привела его на киевское княжение⁶.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Агапкина Т. А. Ильин день // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. II. С. 402–405.
- 2 Головка А. Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой трети XIII вв. Киев: Наукова думка, 1988. 136 с.
- 3 Григорий Двоеслов, свт. Письма о средствах обращения неверующих к христианской вере // Воскресное чтение. Киев, 1849. № 11.
- 4 Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года и ее источник. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 210 с.
- 5 Калинин И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси. М.: Ин-т русской цивилизации, 2013. 384 с.
- 6 Клейн Л. С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. СПб.: Евразия, 2004. 480 с.
- 7 Макашина Т. С. Ильин день и Илья-пророк в народных представлениях и фольклоре восточных славян // Обряды и обрядовый фольклор. М.: Наука, 1982. С. 101–114.
- 8 Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков: Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1993. 240 с.

⁶ О том, как события развивались дальше, см.: [9, с. 101–107].

- 9 *Новицкий И. А.* Расследование убийства князей Бориса и Глеба. М.: Достоинство, 2015. 128 с.
- 10 Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи 1377 г. / подг. текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева. 3-е изд. СПб.: Наука, 2007. 668 с.
- 11 *Проконий Кесарийский.* Война с готами / пер. С. П. Кондратьев. М.: Арктос – Вика-пресс, 1996. Т. 1. 334 с.
- 12 *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М.: София – Гелиос, 2002. 592 с.
- 13 *Титмар Мерзебургский.* Хроника: в 8 кн. / пер. с лат. И. В. Дьяконов. 2-е изд., испр. М.: Русская панорама, 2009. 256 с.
- 14 *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М.: Госполитиздат, 1956. 477 с.
- 15 *Токарев С. А.* Религиозные верования восточнославянских народов XIX – начала XX века. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 168 с.
- 16 *Турилов А. А., Артюхова Т. А., Лосева О. В., Мусеева С. А.* Илия, пророк. Даты празднования памяти Илии // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2009. Т. XXII. С. 242–245.
- 17 *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники: Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1990. 210 с.
- 18 *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I–VI): Текст, перевод, комментарий / под ред. и с дополнениями А. В. Назаренко. М.: Памятники исторической мысли, 2004. 495 с.
- 19 *Botte B.* Le culte du prophète Élie dans l'Église chrétienne // Élie le prophète. Bruges, 1956. Т. I. Selon les Ecritures et les traditions chrétiennes. (Les Études Carmélitaines, 35). P. 208–218.
- 20 *Spassky Th.* Le culte du prophète Élie et sa figure dans la tradition orientale // Élie le prophète. Bruges, 1956. Т. I. Selon les Ecritures et les traditions chrétiennes. (Les Études Carmélitaines, 35). P. 219–232.

Igor A. Novitskiy,

*The Academy of Management of the Interior Ministry of Russia,
Z. and A. Kosmodemyanskikh str., 8, 125171 Moscow, Russia*

THE TERRIBLE DAY OF PERUN

Abstract: The battle on the Zapadnyiy Bug River in the year of 1018 was described in the literary sources on the history of Old Rus. In this battle the Prince Yaroslav the Wise forces were utterly defeated by the army of Polish King Boleslav the Brave. The Chronicle of Titmar of Merseburg indicates that Boleslav came up to the river on July 22. The Chronicle of Gallus Anonymous says that Boleslav delayed the battle for the third day because they had a feast the next day. According to the Annals of Jan Długosz, both armies stood at the river for several days. The comparative analysis of these chronological records allows us to ascertain that the battle took place on Thursday, July 24. Anonym's words that "innumerable animals were slaughtered" on the feast day allows to see the paganism traditions of Perun's day retained there, which were observed on the penultimate Thursday of July according to the Julian Calendar. The initial cause of Yaroslav's defeat also is becoming clear: relying on Boleslav's promise to delay the battle, Yaroslav's warriors celebrated Perun's day

and a sudden attack of Polish knights caught them off guard.

Keywords: Prince Yaroslav the Wise, battle on the Zapadnyiy Bug River in the year of 1018, Polish King Boleslav the Brave, Eliah's day, Perun's day.

Received: 02.03.2016

Information about authore: Igor A. Novitskiy — Master of Theology, The Academy of Management of the Interior Ministry of Russia. E-mail: ingvaringvar@mail.ru

REFERENCES

- 1 Agapkina T. A. Il'in den' [Elijah's day]. *Slavjanskije drevnosti: Jetnolingvisticheski slovar' v 5-ti tomah* [Slavic Antiquities: Ethno-linguistic dictionary in 5 volumes], general ed. N. I. Tolstoj. Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija Publ., 1999, vol. II, pp. 402–405. (In Russ.)
- 2 Golovko A. B. Drevnjaja Rus' i Pol'sha v politicheskikh vzaimootnoshenijah X – pervoj treti XIII vv. [Old Rus and Poland in interrelations of X – 1st third of XIII centuries]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1988. 136 p. (In Russ.)
- 3 Grigorij Dvoeslov, sv. Pis'ma o sredstvah obrashhenija neverujushhih k hristianskoj vere [Gregory the Dialogist, st. Letters on methods of conversion of unbelievers to the Christian faith]. *Voskresnoe chtenie* [Saturday readings]. Kiev, 1849, no 11. (In Russ.)
- 4 Il'in N. N. *Letopisnaja stat'ja 6523 goda i ee istochnik* [Annalistic entry of the year 6523 and its source]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1957. 210 p. (In Russ.)
- 5 Kalinskij I. P. *Cerkovno-narodnyj mesjaceslov na Rusi* [Church-popular menologion in Rus]. Moscow, Institut ruskoj civilizacii Publ., 2013. 384 p. (In Russ.)
- 6 Klejn L. S. *Voskreshenie Peruna. K rekonstrukcii vostochnoslavjanskogo jazychestva* [Resurrection of Perun. An approach to reconstruction of East-Slavic pagan religion]. St. Petersburg, Evrazija Publ., 2004. 480 p. (In Russ.)
- 7 Makashina T. S. Il'in den' i Il'ja-prorok v narodnyh predstavlenijah i fol'klore vostochnyh slavjan [Elijah's day and Prophet Elijah in popular beliefs and folklore of Eastern Slavs]. *Obrjady i obrjadovyj fol'klor* [Rites and ritual folklore]. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 101–114. (In Russ.)
- 8 Nazarenko A. V. *Nemeckie latinojazychnye istochniki IX–XI vekov: Teksty, perevod, kommentarij* [Latin sources of German origin of IX–XI cent.: texts, transl., comm.]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 240 p. (In Russ.)
- 9 Novickij I. A. *Rassledovanie ubijstva knjazej Borisa i Gleba* [Investigation of the murder of Boris and Gleb]. Moscow, ID Dostoinstvo Publ., 2015. 128 p. (In Russ.)
- 10 *Povest' vremennyh let po Lavrent'evskoj letopisi 1377 g. / podgotovka teksta, perevod, stat'i i kommentarii* D. S. Lihacheva. 3-e izd. [Tale of Bygone Years as reflected in the Laurentian Chronicle, preparation of text, transl. and comm. 3rd ed.]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007. 668 p. (In Russ.)
- 11 Prokopij Kesarijskij. *Vojna s gotami / per. S. P. Kondrat'ev* [Prokopius of Caesaria. War against the Goths / transl.]. Moscow, Arktos – Vika-press Publ., 1996. Vol. 1. 334 p. (In Russ.)
- 12 Rybakov B. A. *Jazychestvo drevnih slavjan* [Pagan religion of old Slavs]. Moscow, Sofija – Gelios Publ., 2002. 592 p. (In Russ.)
- 13 Titmar Merzeburgskij. *Hronika. V 8 knigah / per. s lat. I. V. D'jakonov*. 2-e izd., ispr. [Titmar of Merseburg. Chronicle: in 8 books / transl. 2nd ed., rev.]. Moscow, Russkaja panorama Publ., 2009. 256 p. (In Russ.)
- 14 Tihomirov M. N. *Drevnerusskie goroda* [Old Rus' towns]. Moscow, Gospolizdat Publ., 1956. 477 p. (In Russ.)

- 15 Tokarev S. A. *Religioznye verovanija vostochnoslavjanskih narodov XIX – nachala XX veka* [Religious beliefs of East-Slavic nations of XIX – early XX cent.]. Moscow, Knizhnyj dom «LIBROKOM» Publ., 2012. 168 p. (In Russ.)
- 16 Turilov A. A., Artjuhova T. A., Loseva O. V., Moiseeva S. A. Ilija, prorok. Daty prazdnovanija pamjati Ilii [Elijah, Prophet. Dates of commemoration]. *Pravoslavnaia jenciklopedija* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, Tserkovno-nauchnyi tsentr «Pravoslavnaia entsiklopediia» Publ., 2009, vol. XXII, pp. 242–245. (In Russ.)
- 17 Shhaveleva N. I. *Pol'skie latinojazychnye srednevekove istochniki: Teksty, perevod, kommentarij* [Latin medieval sources of Polish origin: text, transl., comm.]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 210 p. (In Russ.)
- 18 Shhaveleva N. I. *Drevnjaja Rus' v «Pol'skoj istorii» Jana Dlugosha (knigi I-VI): Tekst, perevod, kommentarij / pod red. i s dopolnenijami* [Old Rus in “Polish history” of Yan Dlugosh (books I–VI): text, transl., comm. / ed. and add.] A. V. Nazarenko. Moscow, Pamjatniki istoricheskoi mysli Publ., 2004. 495 p. (In Russ.)
- 19 Botte B. Le culte du prophète Élie dans l'Église chrétienne // *Élie le prophète. T. I. Selon les Écritures et les traditions chrétiennes. (Les Études Carmélitaines, 35)*. Bruges, 1956, pp. 208–218.
- 20 Spassky Th. Le culte du prophète Élie et sa figure dans la tradition orientale // *Élie le prophète. T. I. Selon les Écritures et les traditions chrétiennes. (Les Études Carmélitaines, 35)*. Bruges, 1956, pp. 219–232.